

63.3(2)47

413

ДЕНИС ДАВЫДОВ

О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 37

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА - 1962

11/12/1874

— 15 032

123980

(1/2)

— 15 032

ДЕНИС ДАВЫДОВ

195980
О ПАРТИЗАНСКОЙ
ВОЙНЕ

Издательство „Правда“
Москва — 1942

2.3/2/47
13

ПРОБЕЖИ

111111

Отз. редактор — Е. НЕТРОВ

Издательство «Правда»	Изд. №	
А5193	Заг. тип. 1105	Тир. 50
Формат бумаги 105х148 мм	1 1/2 л. в.	Кол. экз. в 1 п. в. 25
Цена 20 коп.	Подп. и печ. 20/VIII 1943	

Тип. «Красное знамя», Москва, Оущевская, 21.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТР КУКОЛ
ПОД ХУД. РУК. ЗАСЛ. АРТ. РСФСР С. В. ОБРАЗЦОВА

МУЗЕЙ ТЕАТРАЛЬНЫХ КУКОЛ

*ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЗЕЮ
с 3 рисунками и 44 фотографиями*

Составил
заведующий музеем
А. Я. ФЕДОТОВ

Центральная городская
Публичная библиотека
им. Н. А. Некрасова

МОСКВА
1940

85,337

кр(7н)

806693

ОТД. ПРАВЕДЕНИЯ

523 10195

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

1902+7/08

В 1937 году в Москве при Государственном Центральном театре кукол возник музей театральных кукол.

Музей этот не может претендовать на исчерпывающую полноту, так как он еще очень молод; все же по собранным

Ду

К Н И Г А И М Е Е Т:

Печати. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
3					22 л	36	143	

85.337

no(2k)

86/

52m

8027708

ДЕНИС ДАВЫДОВ

«Огромна наша мать Россия! Изобилие
средств ее дорого уже стоит многим
народам, посягавшим на ее честь и су-
ществование, но не знают еще они всех
слоев лавы, находящихся на дне ее...»

Денис Давыдов

Денис Васильевич Давыдов — одна из наиболее ярких фигур начала XIX века. По словам Белинского, он «примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности».

Не было поэта, начиная от Пушкина, Жуковского, Баратынского и кончая третьестепенными, который не «отдал бы ему честь стихами». Лучшие художники — Кипренский, Орловский, Доу — писали его

портреты. Лев Толстой увековечил его в образе обаятельного, беспримерно храброго Василия Денисова. Слава его вышла и за пределы России: Вальтер Скотт называет его «знаменитым человеком, чьи подвиги в минуты величайшей опасности для его отечества вполне достойны удивления».

Поэт-гусар, писатель, — он считал себя прежде всего воином. «Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но поведет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика», — говорит он в своей автобиографии.

Когда Денис Давыдов принужден был оставить военную службу и расстаться со своей «боевой вывеской» — усами, Жуковский попросил у него на память левый ус, как ближайший к сердцу. Выполняя просьбу, Давыдов приложил к усу «по-служной список»:

«Войны: 1. В Пруссии 1806 и 1807 гг. 2. В Финляндии 1808 г. 3. В Турции 1809 и 1810 гг. 4. Отечественная война 1812 г. 5. В Германии 1813 г. 6. Во Франции 1814 г. 7. В Персии 1826 г. 8. В Польше 1831 г.».

В народной памяти имя Василия Денисова неразрывно связано с войной 1812 года против наполеоновского нашествия. 1812 год — год, на котором Денис Давыдов, по его выражению, навсегда «зарубил свое имя». Он верно понял народно-освободительный характер этой войны и необычайно талантливо применил метод партизанской защиты.

Перед Бородинским сражением он первый подал мысль о выгодах партизанских действий в тылу врага и с сотней казаков, опираясь на «добровольное ополчение поселян», начал свои «залетные поиски».

Сущность партизанской войны Давыдов определяет так: «Партизанская война состоит ни в весьма мелких, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, чрез что заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленную, голодную, обезоруженную и лишенную спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова!»

В наши дни Великой отечественной войны, когда весь народ поднялся на защиту родины от нашествия гитлеровских захватчиков, ожили славные партизанские традиции: горячо и беззаветно выполняет русский народ наказ Сталина «создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В наши дни мы с особенной любовью вспоминаем нестигаемый дух и волю к победе одного из славных героев отечественной войны 1812 года — Дениса Давыдова.

О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

Односторонний взгляд на предмет или суждение о нем с мнимою предусмотрительностью есть причина того понятия о партизанской войне, которое не перестает еще господствовать. Схватить языка, предать пламени несколько неприятельских хранилищ, недалеко отстоящих от армии, сорвать, незаняв передовую стражу или в умножении партий видеть пагубную систему раздробительного действия армии — суть обыкновенные сей войны определения. И то и другое ложно! Партизанская война состоит ни в весьма drobных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, чрез что заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова!

Без сомнения, такого рода война была бы менее полезна, если б воевали одними малосильными армиями, не требующими большого количества съестных потребностей и действующими одним холодным оружием. Но с тех пор как изобретены порох и огнестрельное оружие, с тех пор как умножили огромность военных сил, и, наконец, с тех пор, как склонились более к системе сосредоточения, чем раздробления войск при размещении и направлении их в походах и в действии,—с тех пор и пропитание их, извлекаемое из того пространства земли, которое они собою покрывают, должно было встретить невозможности, а производство зарядов в лабораториях, обучение рекрут и образование резервов — неодолимые затруднения среди тревог, битв и военных случайностей.

При таковых обстоятельствах надлежало искать средства к снабжению войск всеми для войны необходимыми потребностями не чрез извлечения их из пространства земли, войсками покрываемого, что от несоразмерности потребителей с произведениями было бы невозможно, а из пределов, находящихся вне боевых происшествий. От сего произошло разделение театра войны на два поля: на боевое поле и на поле запасов, и снабжение первого произведениями второго, но не вдруг и не великими громадами, а по мере израсходования съестных и боевых предметов, возимых при армии, дабы

не обременять ее излишними тяжестями и чрез то не оковывать ее движений. Но само собой разумеется, что изобретение это долженствовало произвести и со стороны противника изобретение к преграждению снабжения неприятельской армии предметами столь для нее необходимыми. Для достижения этой цели два способа представились при первом взгляде: или действие отрядами на боевое поле непосредственно в тыл фронта армии, где производится раздача привозимых зарядов и провианта и размещение прибывших войск из резервов, или действие оными же отрядами на самое поле запасов.

Но тут же удостоверились, что первое с трудом прикосновенно от смежности самой неприятельской армии с местом, назначенным для нападения, а последнее обыкновенно ограждаемо укреплениями, в середине коих заключаются склады продовольствия, приготавлиются заряды и производится образование резервов. Осталось то пространство, по которому все сии три предмета доставляются в армию. Вот поле партизанского действия. Оно не представляет тех препятствий, которыми изобилует и боевое поле и поле запасов, ибо как главные силы армии, так и укрепления, находясь на оконечностях оно, не в состоянии защищать его — первые от стремления всех усилий на борьбу с противоположной им главной армией, последние — по причине естественной неподвижности своей.

Из сего следует, что партизанская война существовать не может, когда неприятельская армия расположена на самом поле запасов; но чем более увеличивается пространство, отделяющее боевое поле от поля запасов, тем партизанская война полезнее и решительнее. Правда, что осторожные полководцы не минуют определять по всему протяжению главного пути, пересекающему означенное пространство, и укрепленные этапы, или приюты, для защиты подвозов во время их привалов и ночлегов, и отряды войск для прикрытия сил подвозов во время переходов их от этапа до этапа; меры благоразумные, но далеко уступающие и долженствующие уступить нападению многочисленных и деятельных партий, как всякое оборонительное действие уступает наступательному. К тому же надо прибавить и то, что эти укрепленные этапы, сколько ни были бы обширны, никак не в состоянии вмещать в себе то количество подвод, которое составляет и самый слабый подвоз армий нашего времени; прикрытие, сколько ни было бы многолюдно, никогда совокупно итти не может по той причине, что, охраняя все протяжение подвоза, оно принуждено растягиваться по мере протяжения оного во время переходов, и потому всегда быть слабее на точке натиска партии, совокупно действующей. Независимо от этих неудобств, сколько надо боевой силы для снабжения ею сих укрепленных этап, более и более умножающих по мере движе-

ния вперед, по мере успехов, увлекающих наступающую армию далее и далее от поля запасов!

Теперь, чтобы окончательно выразить всю важность партизанской войны при огромных ополчениях и системе сосредоточения в действиях нашего времени, сделаем несколько вопросов и ответов. Во-первых, кем производится война? — Людьюми, соединенными в армии.

Во-вторых, но люди, так сказать, с пустыми руками могут ли сражаться?—Нет. Бойна—не кулачный бой. Этим людям нужно оружие; но со времени изобретения пороха и оружие само собою недостаточно: этому оружию нужны и патроны и заряды для произведения действия, от него требуемого; а так как патроны и заряды более или менее выстреливаются в каждой битве и делание их затруднительно при движениях и действии войск, то необходимо нужно снабжать оружие новыми зарядами и патронами с того места, где они приготавлиются. Это ясно доказывает, что армия, и с оружием в руках, но без патронов и зарядов, не что иное, как устроенная толпа людей с рогатинами, толпа, которая от первого неприятельского выстрела должна рассеяться или, приняв битву, погибнуть. Словом, нет силы в армии, или, можно сказать, что со времени изобретения пороха — нет армии без зарядов и патронов.

В-третьих, требует ли армия подкрепления в течение войны? — Требуется, по мере потери лю-

дей и лошадей в сражениях, в стычках и перестрелках, также и от ран, получаемых ими в битвах, также и от болезней, умножающихся от усиленных переходов, ненастья, трудов и недостатков всякого рода. Без укомплектования себя армии должны мало-помалу уменьшаться и потом исчезнуть совершенно.

Наконец, в-четвертых, нечего спрашивать, нужна ли пища солдату, ибо человек без пищи не только сражаться, но и жить не может; а так как доказано, что по многолюдству своему армии нашего времени не в состоянии довольствоваться произведениями того пространства земли, которое они собою покрывают, то им необходимы подвозы с пищею, без которых они должны или умереть с голоду, или, рассеясь для отыскивания пропитания за круг боевых происшествий, превратиться в развратную толпу бродяг и грабителей и погибнуть по частям, без защиты и славы.

Итак, чтобы лишить неприятеля сих трех, можно сказать, коренных стихий жизненной и боевой силы всякой армии, какое для сего избрать средство? Нет другого, как истребление их во время их перемещения с поля запасов на боевое поле, следственно, средством партизанской войны. Что предпримет неприятель без пищи, без зарядов и без укомплектования себя войсками? Он принужден будет или прекратить действие миром, или пленом, или рассеянием без надежды на соединение — три последствия весьма неуте-

шительные и совершенно противоположные тем, которые стяжает всякая армия при открытии военных действий. Независимо от гибели, которою угрожает партизанская война сим трем коренным стихиям силы и существования всякой армии, есть второстепенные необходимости, тесно связанные с благосостоянием ее, и не менее подвозов с пищею и с зарядами, не менее доставления к ней резервов подвергающиеся опасности: подвозы с одеждою, с обувью и с оружием на смену испорченному от чрезмерного употребления или потерянному в сумятицах сражений; хирургические и госпитальные вещи; курьеры и адъютанты, возящие иногда весьма важные повеления из неприятельской главной квартиры к оставшимся позади областям, резервам, заведениям, отдельным корпусам и отрядам, так, как и донесения последних в главную квартиру, чрез что разрушается содействие всех частей между собою. Транспорты раненых и больных, перевозимых из армии в больницы, или команды выздоровевших, возвращающиеся из больницы в армию; чиновники высшего звания, переезжающие с одного места на другое для осмотра отдельных частей или для принятия отдельного начальства, и прочее.

Но это недостаточно. Партизанская война имеет влияние и на главные операции неприятельской армии. Перемещение ее в течение кампании по стратегическим видам долженствует встретить не-

оборимые затруднения, когда первый и каждый шаг ее может немедленно быть известен противному полководцу посредством партий, когда сими же партиями, на первом и на каждом шагу, она может быть задержана засеками, истребленными переправами и атакована всеми противными силами в то время, как, оставя один стратегический пункт, она не успела еще достичь до другого, что приводит нас на память Сеславина и Малоярославец. Таковыми преградами угрожает неприятель и во время отступления своего. Преграды эти, воздвигнутые и защищаемые партиями, способствуют преследующей армии теснить отступающую и пользоваться местными выгодами для окончательного ее разрушения: зрелище, коем мы были свидетелями в 1812 году, при отступлении Наполеоновых полчищ от Москвы до Немана.

Но и этого мало. Нравственная часть едва ли уступает вещественной части этого рода действия. Поднятие упавшего духа в жителях тех областей, которые находятся в тылу неприятельской армии; отвлечение от содействия ей людей беспокойных, корыстолюбивых посредством всякого рода добычи, отбиваемой у нее и разделяемой с жителями в замену приманок, расточаемых им вождями противных войск в одних только прокламациях; одобрение собственной армии частым доставлением к ней и под глаза ее пленных солдат и чиновников, обозов и подвозов с провиан-

том, парков и даже орудий, и сверх того потрясение и подавление духа в противодействующих войсках—таковы плоды партизанской войны, искусно управляемой. Каких последствий не будем мы свидетелями, когда успехи партий обратят на их сторону все народонаселение областей, находящихся в тылу неприятельской армии, и ужас, посеянный на ее путях сообщения, разгласится в рядах ее? Когда мысль, что нет ни прохода, ни проезда от партий, похищая у каждого воина надежду при немочи на безопасное убежище в больницах, устроенных на поле запасов, а в рядах достаточное пропитание, с того же поля привозимое, в первом случае произведет в нем робкую предусмотрительность, в последнем — увлечет его на неизбежное грабительство, одну из главных причин падения дисциплины, а с дисциплиною—совершенного разрушения армии.

Иностранные писатели излагают законы военного искусства не для нас, русских, а для государств, коим принадлежали они, следовательно, по масштабу и по свойству военной силы, им известной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и местность, и поныне находясь за пределами понятий и расчетов их, столь резко разнятся с другими государствами. Например, правила, чтобы не употреблять легкого войска на долгое время и на дальнее расстояние от главной армии, дабы чрез то не лишить ее той числительной силы, которая в генеральных сражениях так

необходима, и что партизанская война безопасна только в собственном и в союзном государстве, но гибельна и невозможна в пределах неприятеля—суть правила справедливые и неоспоримые относительно всех европейских государств, но ошибочные относительно России. Легкая европейская конница составлена из людей одинакового свойства с людьми, составляющими все другие части линейного войска.

Она различествует от них одною одеждою и названием, но ничем другим: ни особою способностью к наездам и поискам, ни особою отважностью, сноровкой и подвижностью; следственно, отделение от главной массы такой легкой конницы на предприятия, по неспособности ее, неверные и гадательные — есть истинное раздробление армии на части и лишение ее сил, необходимых в генеральных сражениях. К неспособности этой конницы на отдельное действие надо присовокупить и малочисленность оной, затрудняющую пребывание ее в неприятельской земле, которой народонаселение в такой вражде или в явном против нее восстании. Все это чуждо для российской армии. Легкая конница ее состоит не из бригад или дивизий, носящих только звание легкого войска, а из целых племен воинственных всадников, исключительно занимающихся наездами и из рода в род передающих способность свою к сему роду действия. Конница эта никогда нейдет у нас в счет с линейным войском для генеральных сра-

жений и, мало полезная в них, превосходна и неподражаема в отдельных поисках. Итак, потому что европейскими армиями не употребляется партизанская война от неимения ни единого истинно легкого всадника и от необходимости содержать в общей массе даже и тех, кои носят звание легких всадников, неужели и мы, обладающие целыми народами летучих, неустоимых и врожденных наездников, нимало не послабляющих отсутствием своим регулярную армию, неужели и мы обязаны воспретить себе род действия, для нас столь полезный, для противников наших столь губительный? Если бы случилось России воевать государства, у коих не было бы ни артиллерии, ни конницы, неужели надлежало бы отказаться ей от употребления противу них и артиллерии и конницы? Что сказали бы об Англии, если б вздумала она заключить флот свой в пристанях, вместо того, чтобы сражаться им в открытом море с флотами, столь много уступающими ему и качеством и количеством?

Вот, однако же, что делала Россия в отношении к своей легкой коннице. Насыщенная неразрывным рядом побед и завоеваний, приобретенных усилиями одних линейных войск своих, и потому имея все право избегать заботы в изыскании другого рода средств к покорению своих противников, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служивших ей в течение полного столетия. После Бородинско-

го сражения приступлено было к испытанию этого нового употребления легкой конницы. Пущено некоторое число казачьих отрядов на пути сообщения неприятельской армии: и едва отделились они от главных наших сил, как безмятежные до толе пути сообщения неприятеля приняли иной вид; все обратилось на них вверх дном и в хаос, и несметное число солдат и всяких степеней чиновников, подвозов с провиантом и с оружием, парков с зарядами и даже орудий загромождали нашу главную квартиру. Безошибочно можно сказать, что более трети войска, отхваченного у неприятеля, и все транспорты, к нему шедшие и доставшиеся нам в сей решительный перелом судьбы России, принадлежат тем из казачьих отрядов, кои действовали в тылу и на флангах неприятельской армии. Если вывод единого испытания этого,—ибо по малочисленности партий, пущенных тогда на путь сообщения неприятеля, можно почесть это предприятие истинным испытанием,—если вывод этот, говорю я, представляет нам такой огромный выигрыш при употреблении таких слабых средств, то чего не можно ожидать от развития этого рода действия по размеру, сообразному с многочисленностью легкой конницы нашей в наступательных войнах с Европою? 123930

Надо надеяться или, лучше сказать, можно с достоверностью ожидать, что со временем и эта часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною внимания, потому что они судят о легких войсках наших до своим легким войскам, что

и эта часть, от большего и большего усовершенствования, вскоре поступит на степень прочих частей военной силы государства. Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Один из сих слоев состоит, без сомнения, из полудиких и воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтораста, двести тысяч природных наездников. Единое мановение царя нашего — и застонут поля неприятелей под копытами сей свирепой, неумоимо подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии! Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбою с миллионною нашею армией, первую в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?

Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!

МОРОЗ ЛИ ИСТРЕБИЛ ФРАНЦУЗСКУЮ АРМИЮ В 1812 ГОДУ?

Посвящается графу Карлу Федоровичу Толю

Два отшиба потрясли до основания власть и господствование Наполеона, казавшиеся непоколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двух оконечностях завоеванной и порабощенной им Европы: Испаниею и Россиею.

Первая, противуставшая французскому ополчению одинокому, без союзников и без Наполеона, сотрясла налагаемое на нее иго при помощи огромных денежных капиталов и многочисленной армии союзной с нею Англии. Последняя, принявшая на свой щит удары того французского ополчения, но усиленного восставшим на нее всем Западом, которым предводительствовал и управлял сам Наполеон, — достигла того же предмета без всяких иных союзников, кроме оскорбленной народной гордости и пламенной любви к отечеству. Однакож все уста, все журналы, все исторические произведения эпохи нашей превозносили и не перестают превозносить самоотвержение и великодушное усилие испанской нации, а о подобном самоотвержении, о подобном же усилии русского народа нисколько не упоминают и вдобавок погмощают их разглаше-

нием, будто все удачи произошли от одной суровости зимнего времени, неожиданного и наступившего в необыкновенный срок года.

Двадцать два года продолжается это разглашение между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредством книгопечатания. Все враги России, все союзники Франции, впоследствии предательски на нее восставшие, но в неудачном вместе с нею покушении против нас вместе с нею же разделившие и стыд неудачного покушения, неутомимо хлопотали и хлопочут о рассеивании и укоренении в общем мнении этой ложной причины торжества нашего.

Должно, однако, заметить, что не в Германии, а во Франции возник первый зародыш этого нелепого разглашения; и не могло быть иначе. Надутая двадцатилетними победами, завоеваниями и владычеством над европейскими государствами, могла ли Франция простить тому из них, которое без малейшей посторонней помощи и в такое короткое время отстояло независимость свою не токмо отбитием от себя, но и поглощением в недрах своих всей европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся с нею и предводительствуемой величайшим гением веков и мира? Нации этой ли, исполненной самолюбия и самохвальства, преследуемой порицаниями и, что еще чувствительнее, карикатурами и насмешками, более всего для нее несносными, ей ли можно бы-

ло признаться в истинной причине несостоятельности своей в обещаниях славы и добычи увлеченным ею государствам? И когда! Когда, обладая монополиею словесности, проникающей во все четыре части света, завоеванные ее наречием, справедливо почитаемым общим наречием нашего века, она более других народов могла ввести в заблуждение и современников и потомство насчет приключения, столь жестоко омрачившего честь ее оружия, столь насильственно прогнавшего призрак ее непобедимости! Будем справедливы; какая нация решилась бы на пожертвование такого преимущества, какая нация, напротив, не поддержала бы посредством его и кредита своего в общем мнении, и славы своего оружия, потрясенных столь неожиданным злополучием?

Франция не пренебрегла этого преимущества и похвально сделала: священнейший долг всякого народа — дорожить своим достоинством, спасать и защищать всеми мерами и всеми средствами это нравственное бытие свое, неразрывно сопряженное с его бытием вещественным. Но похвально ли для некоторых из нас, еще более для тех из нас, русских, которые, быв свидетелями, даже действовавшими лицами на этом великолепном позорище, знают истинную причину гибели нахлынувших на нас полчищ, — похвально ли им повторять чужой вымысел для того только, чтобы не отстать от модного мнения, как не отстают они от покроя фраков или повязки галстуков,

изобретенных и носимых в Париже? И пусть бы разглашали это городские господчики или маменькины сынки, которым известен огонь одних восковых свечей и кенкетов да запах пороху только на фейерверках. Словам, произносимым подобными устами, награда известна. Но грустно слышать эти же слова от тех самых людей, которым знакомы и чугун, и свинец, и железное острие, как хлеб насущный. Грустно слышать, что те, коих я сам видел подвергавших опасности и покой, и здоровье, и жизнь свою на войне Отечественной, что они приписывают теперь лавры ее одной и той же причине с врагами, против которых они так неустрашимо, так ревностно тогда подвизались; что нынче, в угождение им, они жертвуют и собственными трудами, и подвигами, и ранами, и торжеством, и славой России, как будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опроверг в изданной мною некогда особой книге* ложное показание Наполеона, будто в кампании 1812 года легкие войска наши не нанесли ни малейшего вреда его армии. Теперь приступаю к другому вопросу, к опровержению того, будто армия Наполеона погибла единственно от стужи, настигшей неожиданно и в необыкновенное время года, а не от других обстоятельств; будто она погибла:

-----

* «Разбор трех статей Наполеона».

Во-первых, не от искусного занятия нашей армией тарутинской позиции, прикрывавшей хлеботороднейшие губернии и в то же время угрожавшей единственному пути неприятельского сообщения, позиции, на которой князь Кутузов обещанием мира успел усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрождения нашей армии.

Во-вторых, не от заслонения Калужского пути при Малоярославце, чем принудил он Наполеона обратиться на Смоленский путь, опустошенный и бесприютный.

В-третьих, не от флангового марша армии от Тарутина до Березины, прикрывавшего, подобно тарутинской позиции, все жизненные и боевые наши подвозы, которые шли к нам из хлеботороднейших губерний, и вместе с тем угрожавшего заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную неприятелем, как скоро бы он малейше на ней замедлил.

В-четвертых, не от усилий, трудов и храбрости наших войск, расстроивших единство неприятельской армии при Малоярославце, Вязме и Красном.

В-пятых, не от чудесного соединения, почти в определенный день у Борисова на Березине, трех армий, пришедших: одна из-под Москвы, другая из Финляндии и от Пскова, третья из Молдавии и Волыни.

В-шестых, не от истребления подвозов и фуражиров нашими партиями и не от изнурения еже-

часными, денными и ночными тревогами и наездами неприятельской армии этими же партиями, которые теснили ее, как в ящике, от Москвы до Немана, не позволяя ни одному солдату на шаг отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи или убежища от стужи.

В-седьмых, наконец, будто армия эта погибла не от неусыпного надзора над нею тех же партий, отчего каждое движение каждой ее части было тотчас известно нашему главнокомандующему и встречало противодействие.

Я уже изложил в «Опыте партизанского действия» мнение мое на этот счет; здесь представлю мнение иностранных писателей, охлажденное от того отвратительного пристрастия, которым ознаменованы все произведения их, касающиеся до военных подвигов французской армии.

Начнем с господина Коха *. Он говорит:

«Вообще точность замечаний генерала Гурго достойна похвал; но пристрастие к Наполеону увлекает его к защите мнений, совершенно ложных. Таково, например, уверение его, что одна стужа причиною злополучия французской армии. Во время похода от Смоленска до Орши стужа во все четыре дня была слабее, нежели в 1795 году, когда северная армия перешла по льду Вааль и овладела голландским флотом в Зюйдерзе; слабее,

---

* Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

нежели в 1807 году, когда огромные толпы конницы неоднократно наскаками сшибались на покрытых льдом и снегом озерах. Следственно, если, по собственному расчету генерала Гурго, французская армия состояла только в сорока пяти тысячах действовавшего войска по прибытии ее на берега Березины, то должно искать иных причин ее уменьшения. Они, как кажется, состоят в недостатке распорядительности относительно продовольствия».

Но тот самый Гурго, на которого восстает господин Кох за то, что он все бедствия французской армии приписывает одной стуже, сам себе противоречит, говоря следующее *:

«В это время, 22-го октября (3-го ноября нов. ст.), то есть на обратном пути около Вязьмы, французская армия не была еще в том беспорядке и развратном положении, в каком французский историк старается показать ее... До 25-го октября, то есть на обратном пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа умереннее той, которую мы переносили во время кампании в Пруссии и в Польше в 1807 году и даже в Испании среди Кастильских гор, в течение зимней кампании 1808 года, под предводительством самого императора... Октября 25-го, на обратном пути около Дорогобужа, корпуса армии еще находились в устройстве; они были составлены из дивизий,

---

* Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

бригад и полков, хотя урон, понесенный ими в походе, много убавил числительную силу их..

Господин придворный чиновник (граф Сегюр) ошибается еще и в том, будто бы в Орше беспорядок в армии умножился; напротив, найденные в Орше запасы розданы были войскам, а оттепель, после сильных морозов, сделала биваки сносными.. Что касается до сильной стужи, то меру ее определить можно тем, что Березина не была еще покрыта льдом во время переправы чрез нее».

Господин Шамбре представляет нам следующие изменения термометра *:

«Октября 15-го ст. ст. — четыре градуса стужи». (Это было на обратном пути от Малоарославца.)

«Октября 23-го — снег, следственно, стужа умеренная». (Это было на обратном пути из Вязьмы.)

«Октября 24-го — снег продолжается». (Это на обратном пути между Вязьмою и Дорогобужем.)

«Октября 25-го — снег сильнее, с ветром, следственно, немного холоднее, чем накануне». (Это было там же и уже около Дорогобужа.)

«Октября 28-го — двенадцать градусов стужи». (Это было на обратном пути между Дорогобужем и Смоленском.)

«Октября 31-го и ноября 1-го — семнадцать градусов стужи». (Это было на обратном пути в Смоленск.)

---

* Histoire de l'expédition de Russie, par M*** Chambray). Tome III.

«Ноября 2-го — стужа гораздо слабее». (Это было на обратном пути, по выступлении из Смоленска к Красному)

«Ноября 6-го — оттепель». (Это было на обратном пути между Красным и Оршею.)

«Ноября 12-го — оттепель прекращается». (Это было на обратном пути между Оршею и Борисовым.)

Он же продолжает:

«Не одна стужа расстроила и истребила французскую армию, потому что второй и девятый корпуса сохранили совершенный порядок, невзирая на претерпение такой же стужи, как и главная армия. Стужа, сухая и умеренная, сопровождавшая войска от Москвы до первого снега, была более полезна, нежели губительна. Главные причины злополучия, постигшего нашу армию, были: во-первых, голод, потом непрерывные переходы и кочевья и, наконец уже, стужа, когда она была сопряжена со снегом. Что касается до лошадей, то сытыми они весьма легко переносят стужу, сколь она ни жестока. Они гибнут не от нее, а от голоду и усталости...

Я уже сказал, и еще повторяю: сытые лошади переносят кочевье без затруднения, как бы стужа ни была чрезмерна. Итак, не стужа погубила лошадей французской армии, и их пало не до тридцати тысяч в одну ночь, как сказано в одном из бюллетеней... Самая жестокая стужа, в ноябре месяце, продолжалась от 28 го октября до

1-го ноября, ст. ст., то есть на обратном пути между Дорогобужем и Смоленском.

Сам Наполеон говорит*: «Еще три дня хорошей погоды, и армия совершила бы в устройстве отступление свое».

Генерал Жомини, в последнем своем сочинении**, заставляет говорить Наполеона: «Главные причины неудачного предприятия на Россию относились к ранней и чрезмерной стуже; все мои приверженцы повторяли эти слова до пресыщения. Это совершенно ложно. Как подумать, чтобы я не знал о сроке этого ежегодного явления в России!.. Не только зима наступила не ранее обыкновенного, но приход ее 26-го октября ст. ст. был позже, нежели как это ежегодно случается. Стужа не была чрезмерна, потому что до Красного она изменялась от трех до восьми градусов, а 8-го ноября наступила оттепель, которая продолжалась до самого прибытия нашего к берегам Березины: один только день пехота могла переходить по льду через Днепр, и то до вечера; вечером оттепель снова повредила переправу.

Стужа эта не превышала стужи Эйлавской кампании: в последней громады конницы носились по озерам, покрытым льдом, и в эту эпоху река была так сильно им схвачена, что могла бы поднять целую армию с артиллериею. Но при Эйлау

---

* *Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 113.*

** *Vie politique et militaire de Napoléon. Tome IV.*

армия моя не расстроилась, потому что была в крае изобильном и что я мог удовлетворять всем ее нуждам. Совсем противное произошло в 1812 году: недостаток в пище и во всем необходимом произвел разброд войска; многочисленные колонны наши обратились в буйную сволочь, в которой солдаты разных полков были чужды один другому. Чтобы собраться и распутаться, нам надлежало остановиться дней на восемь в укрепленном лагере, снабженном огромными магазинами.

В Смоленске этого нельзя было сделать, и мы должны были погибнуть, потому что оттуда до Вислы не было уже места, довольно безопасного для пристанища, а у Вислы армия уже не существовала... Я прибыл в Смоленск 28-го октября ст. ст. Вся армия собралась 1-го ноября. Она во всем нуждалась. Спеша к Смоленску, как к земле обетованной, как к пределу своего злополучия, что обрела она там? Обрушенные дома, заваленные больными, умирающими, и пустые магазины! Двухмесячное пребывание корпуса маршала Биктора вокруг города, гарнизон, пятнадцать тысяч больных и раненых и проходившие команды издерживали в сутки по шестьдесят тысяч раценов.

Армия вступила в Смоленск толпами и непохожая на себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа достаточна была, чтобы ее частию расстроить».

В примечании сказано: «Стужа во время кам-

пании в Голландии в 1795 году и в Эйлавскую кампанию в 1807 году была сильнее той, которая продолжалась от Москвы до Березины. Но в этих двух кампаниях войска получали пищу, вино и водку, а не каждые сутки, как в последней кампании, кочевали голодными, с уверенностью, что завтра будет хуже.

Так как уже известно, что стужа до Березины была умереннее, а при всем том по прибытии к берегам этой реки у нас осталось не более пятидесяти тысяч из трехсот тысяч, которые я привел на берега Двины и в Москву, то должны быть другие причины столь ужасному злополучию.

Не в пользу мою действуют те, которые порочат моих противников и унижают их подвиги. Они вместе с тем унижают и мою славу и славу французской армии, состоящую в преодолении преград неожиданных. Как бы то ни было, никто не похитит у русских, что, невзирая на разрыв их линии при первом шаге моего вторжения, они умели избегнуть поражения и отступить тысячу двести верст, сохранив все тяжести и не оставив нам ни одного трофея. Если б мы творили одни чудеса, а неприятели наши одни ошибки, то как Барклай и Багратион, выступившие один из Дриссы, другой из Слонима, и отдаленные один от другого тремястами тысячами моего войска,—как могли бы они соединиться наперекор моему старанию не давать им соединиться? Как Витгенштейн, начальствовавший над корпусом, впо-

Ловину малочисленнее трех корпусов, действовавших против него, мог бы сохранить угрожающую осанку в течение всей кампании? Не менее сверхъестественно было бы и то, чтоб при непрестанных промахах армия, расстроенная под Бородиным, могла явиться в назначенный час под Красным и схватиться грудь с грудью с нашей армиею, как это случилось. Наконец, мог ли неприятель, если бы он не обладал ни военными качествами, ни дарованиями, и при начале кампании разделенный и раздробленный на части, — мог ли бы он сообразить и исполнить наступательное соединение обоих крыл и середины армии своей при Березине и к самой решительной эпохе привести из Финляндии и от берегов Прута войска, долженствовавшие оспаривать нам переправу?

Без сомнения, ему воспомоществовали обстоятельства, а против меня восстало все то, что ему благоприятствовало; но надо быть чрез меру ненавистливым, чрез меру несправедливым, чтобы порицать то, что достойно похвал и подражания.

Конечно, русские действовали не без ошибок. Главнейшие суть: начальное размещение сил на границе, направление к Дриссе и образ отступления от Смоленска; дознано также, что Кутузов мог бы сделать более того, что он сделал, и будь я на его месте, — я бы, верно, не упустил случая истребить армию, возвращавшуюся из Москвы; но, несмотря на излишнюю его осторож-

ность, должно признаться, что он дал искусное направление движениям своей армии.

Смешно уверять, будто русские совершенно были чужды в нашем злополучии. Правда, злополучию этому причиною не генеральные сражения, выигранные у нас нашими противниками; но как не согласиться в том, что ему способствовало пламенное рвение армии, правительства, народа и генералов, озаменованное особенно во второй части кампании? Высокопарные ругательства могут иметь временное влияние на чернь и людей несмыслящих: истина господствует над веками!»

Заключим выписки эти извлечением из известного сочинения сэра Вальтера Скотта*:

«Причины такого ужасного события были в ложных расчетах, которые зародились при первых мыслях об этом предприятии и сделались очевидными при первом шаге к приведению их в действие. Мы знаем, что такой способ смотреть на предмет не во вкусе обожателей Наполеона. Веря безусловно словам, которые сам он рассеял, они считают, что их герой ничем не мог быть побежден, разве одними только стихиями. Об этом объявлено и в двадцать девятом бюллетене: «До 25-го октября ст. ст., говорят там, успехи его были одинаковы, но выпавший тогда снег в шесть дней расстроил дух его армии, отнял мужество у солдат его и, ободрив презрительных ка-

---

* Vie de Napoléon Bonaparte, par sir Walter Scott. Tome IV.

заков, лишил французов артиллерии, фуража и кавалерии и поверг их, хотя русские мало тому способствовали, в то жалкое положение, в каком они вступили в Польшу». Наполеон никогда не выходил из этого уверения. и оно — один из тех пунктов, от которых восторженные его обожатели отступают с крайним нехотением. Но, прежде нежели согласиться с их мнением, надобно решить три вопроса: 1) Обыкновенное падение снега или поход чрез страну, покрытую снегом, должны ли непременно сами по себе причинить все те бедствия, которые французы им приписывают? 2) Возможность такого происшествия не должна ли была входить в расчеты Наполеона? 3) Падение ли снега, как бы, впрочем, оно чрезмерно ни было, причиною расстройств армии Бонапарте, или не действие ли климата благоприятствовало скорейшему развитию многих других причин ее гибели, — причин, неразлучных с этим походом при самом его зарождении и уже прежде жестокости зимы?

Бесполезно распространяться насчет первого вопроса. Падение снега, сопровождаемое сильным морозом, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основания отступающую армию. Без сомнения, в этом случае солдаты самые слабые должны погибнуть; но целой армии удобнее производить движение зимою, нежели в дождливую погоду».

Тут знаменитый автор представляет некоторые

удобности для военного действия зимою, вознаграждающие до некоторой степени нужды, причиняемые суровостью времени.

«Перейдем ко второму вопросу. Если мороз и снег в России суть бедствия непреодолимые, властные уничтожать целые армии, то как же эти обстоятельства не вошли в расчеты генерала, столь знаменитого, замыслившего предприятие столь огромное? Разве в России никогда не идет снег? Разве морозы в ноябре месяце там редкое явление? Говорят, что морозы начались ранее обыкновенного; мы уверены, что это оправдание не имеет никакого основания; но во всяком случае величайшее безрассудство — подвергать сохранение и целость всей армии, армии столь многочисленной и употребленной на такое важное предприятие, зависимости от мороза, могущего случиться несколькими днями ранее или позднее.

Дело в том, что Наполеон предвидел, что в октябре настанет стужа, так как он в июле предвидел необходимость собрать съестные припасы, достаточные для продовольствия своей армии; но увлеченный нетерпеливостью, он ни в том, ни в другом случае не принял меры для преодоления ни голода, ни стужи, которые предвидел.

В двадцать втором бюллетене сказано: «Можно ожидать, что Москва-река и прочие реки России замерзнут в половине ноября». Это должно было пригото-

гить императора к снегу и к началу морозов пятью или шестью днями ранее.

В двадцать пятом бюллетене признана необходимость зимних квартир, и император представлен с видом самодовольствия осматривающим вокруг себя, где бы ему избрать квартиры: на юге ли России, или в приязненных владениях Польши. «Время прекрасное, — говорит бюллетень, — но должно ожидать холода в первых числах ноября и, следовательно, должно заботиться о зимних квартирах; особенно кавалерия имеет в них нужду». Невозможно, чтобы тот, пред глазами которого составлялись эти бюллетени, или тот, кто составлял их сам, был изумлен выпадением снега 6-го ноября: это такое событие, вероятность которого была предвидена, но против которого не взято было предосторожностей...»

Далее говорит автор о забытии начальством велеть перековать лошадей и запастись подковами.

«В-третьих, хотя, без сомнения, суровость погоды значительно умножала бедствия и потери армии, имевшей недостаток в съестных припасах, в одежде и подвергавшейся всякого рода нуждам, однакож она не была первою и ни с какой точки зрения главнейшею причиною этих бедствий. Читатель должен припомнить поход чрез Литву: Наполеон, не быв поражен ни разу, потерял десять тысяч лошадей и около ста тысяч

людей уже тогда, когда он проходил странною дружелюбною. Разве эта потеря, случившаяся в июне и в июле, причинена ранним снегом, каким называют снег, выпавший 6-го ноября? Совсем нет: причину этому находят, как говорит бюллетень, в неизвестности, в томлении в маршах и контрмаршах войск, в их усталости, в претерпении нужд, словом, в этой системе усиленных переходов, которая, впрочем, не доставила Наполеону никакой существенной выгоды, — системе, всегда стоившей ему около четвертой части армии, прежде нежели она доводила ее до какого-нибудь сражения*. Если предположим, что он оставил на обоих флангах и позади себя силу из ста двадцати тысяч человек, под командою Макдональда, Шварценберга, Удино и других военачальников, то он начал настоящее шествие на Россию с двумястами тысячами. Половина этой значительной силы погибла прежде прибытия его в Москву, в которую он вступил с сотнею тысяч человек. Усталость погубила множество, битвы и гошпитали поглотили остальных.

Наконец Наполеон покидает Москву 7-го октября (ст. ст.), как город, где ему нельзя уже было оставаться, хотя выход оттуда, как он предвидел, был сопряжен с значительными затруднениями. Тогда находилось под его начальством около ста двадцати тысяч человек. Армия его умножена

---

* Мнение совершенно ложное (замечание [сочинителя] статьи).

была до этого числа присоединением к ней выдворенных бродяг и команд, прибывших из резервов. Он дал сражение бесполезное, хотя и с честью выдержанное, при Малоярославце; не успел пробить себе дороги к Калуге и Туле и принужден был бежать чрез Бородино по разграбленной и опустошенной Смоленской дороге. На этом пути он дал сражение под Вязьмою, в котором потеря французов была весьма значительна; его колонны были беспрестанно тревожимы казаками, и он лишился многих тысяч пленными. Два сражения, столь кровопролитные, не считая притом разбития Мюрата и беспрестанно возобновляемых стычек, стоили французам убитыми и ранеными — потому что каждый раненый был уже погибшим для Наполеона, — по крайней мере двадцати пяти тысяч человек. Наконец наступило 25-е октября. До того дня еще не видали клокка снега, который в самом деле пошел тогда уже, когда Наполеон испытал большую часть бедствий, потому что в то время фланги его и резерв уже выдерживали жестокие сражения и понесли большие урон, не получив никакой существенной выгоды. Таким образом, почти три четверти армии, которую он привел в Россию, были разрушены, а остальная четвертая часть приведена была в жалкий беспорядок еще до выпадения снега, которому он потом за благо рассудил приписать неудачу свою.

Конечно, когда наступила чрезмерная стужа,

тогда нужды и потери французской армии еще умножились; но зима была только союзницей русских, а не, как тогда думали, единственною их защитницею: отступление Наполеоновой армии совершилось под остриями казачьих пик прежде, нежели морозы Севера понудили ее к отступлению».

Из всех этих выписок можно заключить следующее:

Неприятельская армия, выступив из Москвы 7-го октября ст. ст., шла хорошею погодою, по словам г. Шамбре и г. Жомини, до 28-го октября, то есть двадцать одни сутки, а по словам Гурго — до 25-го октября, то есть восемнадцать суток. Но от этого числа армия в течение трех суток, по словам Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или в течение пяти суток, по словам Гурго, претерпела стужу, которая, по термометрическому наблюдению Шамбре, простиралась от двенадцати до семнадцати градусов, а по словам Жомини, от трех до восьми градусов. Далее все писатели соглашаются уже в том, что во время переходов французской армии от Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и, если позволено мне прибегнуть к моей собственной памяти, то смело могу уверить, что тогда морозы простирались от двух до четырех градусов. Наконец, Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются в том, что от Орши до Березины продолжалась оттепель. Последний упоминает даже

об опасности, представлявшейся при переправе через Днепр под Оршею 8-го [ноября]; а мы помним, что, при переходе чрез эту реку корпуса Нея, при Гусинове, большая часть его тяжестей и некоторая часть войска этого отряда обрушилась под лед и погибла.

Итак, во все время шествия французской армии от Москвы до Березины, то есть в течение двадцати шести дней, стужа, хотя и не чрезвычайная (от двенадцати до семнадцати градусов), продолжалась не более трех суток, по словам Шамбре, Жомини и Наполеона, или пяти суток, по словам Гурго.

Между тем французская армия при выступлении своем из Москвы состояла, по списку французского главного штаба, отбитому нами во время преследования, из ста десяти тысяч человек свежего войска, а по словам всех историков кампании, представляла только сорок пять тысяч по прибытии своем к берегам Березины. Как же подумать, чтобы стодесяти тысячная армия могла лишиться шестидесяти пяти тысяч человек единственно от трех- или пятисуточных морозов, тогда как гораздо сильнейшие морозы в 1795 году в Голландии, в 1807 году во время Эйлавской кампании, продолжавшиеся около двух месяцев сряду, и в 1808 году в Испании среди Кастильских гор, в течение всей зимней кампании, скользили, так сказать, по поверхности французской армии, не проникая в

середину ее, и отстали от ней, не разрушив ни ее единства, ни устройства?

Все это приводит нас к тому уверению, что не стужа, а другое обстоятельство — причиною разрушения гигантского ополчения.

Читая представленные мною выписки, можно ясно видеть согласие всех историков кампании насчет причин события. Они полагают, что эти причины состоят: во-первых, в голоде, претерпленном французской армией; во-вторых, в непрерывных усиленных переходах, и в-третьих, в кочевье под открытым небом.

Соглашаясь отчасти с ними, я предлагаю вопрос: что обыкновенно производит голод в армиях? Действование или шествие армии по безлюдному или опустошенному краю без обозов, наполненных съестными припасами, или, как технически их называют, без подвижных магазинов?

Казалось, что это двойное несчастье не должно было угрожать французской армии, потому что, при выступлении ее из Москвы, она, по словам самого Наполеона, несла на себе и везла с собою на двадцать дней провианта*. Сверх того, как всем известно, она имела намерение и напрягала все усилия, чтобы, прибыв прежде нас через Малоярославец в Калугу, идти оттуда на Юхнов и Рославль к Днепру, по краю невредимому и изобилующему съестными припасами, и быть пре-

---

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Monthonlon. Tome II, page 113.

следуемой нашею армиею с тылу, а не сбоку, как это случилось.

Таким образом, французская армия никогда бы не имела недостатка в пище; переходы^{нее} могли бы быть производимы без поспешности, потому что никто не угрожал бы пресечением пути ее отступления, и производимы под прикрытием сильного арьергарда, которого войска сменялись бы чрез каждые несколько дней свежими войсками; она была бы в возможности беспрепятственно располагать на квартиры если не все свои корпуса, то, по крайней мере, большую часть их, что доставило бы покой ее войскам на ночлегах и укрыло бы их от стужи. Малого недоставало, чтобы не удалось это предприятие. Уже снабженная, как я выше сказал, на двадцать дней провиантом, обогнув потаенно оконечность левого фланга нашей армии, занимавшей тарутинскую позицию, французская армия почти касалась до той точки, от которой можно было ей отступать в довольствии всего и никем не тревожимой. Вдруг партизан Сеславин выхватывает солдата из колонн главной французской армии, дает о том знать Ермолову, находившемуся с корпусом Дохтурова в Аристове; тот немедленно известя Кутузова и сам спешит занять Малоярославец до его прибытия; Кутузов с своею армиею летит от Тарутина туда же и заслоняет Наполеону Калужский путь, отбивает его от изобильного края, по которому он намеревался следовать, и принуждает

его предпринять отступление по пути опустошенному. Еще при французской армии находилось на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскоре исчезает. Кутузов бросает вслед за нею всю свою легкую конницу, и в трое суток не остается у неприятеля ни одной подводы с провиантом. Наконец представляется последний способ к прокормлению этой армии: в некотором расстоянии от опустошенного пути, по которому прошла она летом, находились еще деревни, не совершенно ограбленные; они могли бы снабдить ее хоть малым количеством пищи. Но и на фуражирование в этих деревнях нельзя было ей решиться с тех пор, как многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмеливалось отделяться на один шаг от большой дороги. И вот французская армия идет по опустошенному пути, без обозов, наполненных пищею, и не смеет посылать фуражиров в придорожные деревни. Что ж этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутине, заслонение Калужской дороги при Малоярославце, отстранение неприятельской армии от края, изобилующего съестными припасами, принуждение его идти по Смоленскому разоренному пути, взятие нашей легкою конницею неприятельских обозов с пищею, окружение ею французских колонн от Малоярославца до Немана, не дозволившее ни одному солдату отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи и приюта.

В таком положении Наполеону необходимо было спешить к магазинам своим в Литве; но как спешить с войском, у которого нечем подкрепить себя после каждого перехода и которое, следовательно, становится с каждым днем неспособнее к физическим усилиям? Как было, между тем, и медлить для отдохновения или делать короткие переходы? Отдохновения, как бы ни продолжительны, переходы, как бы коротки ни были, а все не в состоянии без пищи подкреплять сами собою человека голодного! К тому ж и вот где сказывается превосходство флангового марша Кутузова: чем продолжительнее были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чем переходы были бы короче, словом, чем медленнее происходило бы движение до Литвы, тем Кутузов, следуя с своею армиею параллельно французской армии по краю, изобильному и никем еще неприкосновенному, по которому вначале намеревался следовать Наполеон, более и более опережал бы его, угрожая бы заслоном единственного пути, отступления — по Смоленской дороге. Итак, непрерывные переходы, которые, по словам иностранных писателей, были, не менее голода, причиною гибели французов, произошли от той же причины, от которой и голод, с прибавлением к ней еще флангового марша Кутузова, грозившего заслонить им путь отступления. Что касается до кочевий под открытым небом, то и они — следствие общей причины, произведшей и голод и бес-

прерывные переходы: путь, по которому, против воли своей, должна была следовать французская армия, разоренный отчасти русскими войсками во время нашего отступления летом и окончательно опустошенный неприятелем, нас преследовавшим, не представлял ни избы, ни сарая для приюта; а непрерывный надзор и наезды легкой конницы нашей и поспешность, необходимая для достижения края, более изобилующего съестными припасами, не позволяли французам ни отделять малые части войск за черту большой дороги для отыскания себе приюта, ни отстранять большой громады войск от прямого пути, чтоб не увеличить окружными путями расстояния, отделяющего армию от избранной ею меты.

! Словом, подведя к одному знаменателю все три причины гибели французской армии, мы видим, что гибель произошла, как я выше сказал, из отстранения неприятельских сил Кутузовым от изобильного края, по которому хотели они следовать; от обращения их на путь опустошенный; от успешного действия легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы с пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться с большой дороги для отыскания пищи и убежища; наконец, от флангового марша нашей армии, который угрожал Наполеону пресечением единственного пути отступления.

Но неужели можно ограничить гибель французской армии этими причинами? Если бы было так,

то ни одно ружье, ни одна пушка в русской армии не закоптились бы порохом; ни одна сабля, ни одна пика не облились бы кровью неприятельской, — а мы помним кровопролитные битвы под Тарутинным 6-го октября, под Малоярославцем 12-го октября и под Красным 5-го и 6-го ноября; я не говорю уже о каждодневных сшибках неприятеля с отдельными отрядами и даже с корпусами нашими.

Соединив три приведенные причины со всеми этими битвами, мы можем подвести приблизительный итог урону французской армии, согласить наши исчисления с показаниями историков кампаний и насчет количества неприятельских сил, погибших во время отступления от Москвы до Березины, и насчет того числа, которое прибыло к берегам этой реки, и этим заключить рассуждение.

Вальтер Скотт полагает, что урон французской армии в сражениях при Малоярославце и при Вязьме простирался до двадцати пяти тысяч человек: это чрезмерно! Я считаю, что это число тогда только будет верно, когда мы к двум сражениям при Вязьме и Малоярославце присоединим сражение при Тарутине, сшибку Платова при Колоцком монастыре и другие частные битвы, случившиеся до Смоленска.

Потом, по официальным спискам пленных, которые взяты были под Красным, спискам, составленным при отправлении пленных в недра Рос-

сии, — следственно, в верности не подлежавших ни малейшему сомнению, — мы видим, что число их состояло в двадцать одной тысяче ста семидесяти нижних чинах и трехстах офицерах.

Наконец, полагая, слишком восемнадцать тысяч человек, что весьма умеренно, взятых и убитых легкою конницею; взятых и убитых крестьянами, замерзших и погибших на полях сражений от Смоленска до Березины, — мы удостоверимся, что французская главная армия действительно подошла к Березине в числе сорока пяти тысяч человек и что из ста десяти тысяч, выступивших из Москвы, пропало шестьдесят пять тысяч человек, — но не от одной стужи, как стараются в том уверить нас неловкие приверженцы Наполеона или вечные хулители славы русского оружия, а посредством, что, кажется, я достаточно доказал, глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности и отваги легкой нашей конницы. Вот истинная причина гибели неприятельской армии, — не что другое; все прочее есть выдумка, соображенная без искусства, потому что ее изобретатели знали, что делают, смешивая две эпохи отступления, столь резко различествующие между собою. И подлинно, общее выражение: «армия Наполеоновская погибла от стужи и мороза», это выражение, сливающее в одно и эпоху ее отступления от Москвы до Березины и эпо-

ху отступления ее от Березины до Немана, — самым смещением двух эпох сокрывает истину, облекая ее неоспоримым фактом: стужей и морозом, в некотором отношении не чуждым истреблению французской армии. Внимание слушателей и читателей, легко привлекаясь к этому факту ощутительнейшему и, следовательно, более постигаемому, чем факт отвлеченный, состоящий в соображениях и в разборе движений военных, прилепляется к нему всю силу убедительности, не требующей размышления.

Но чтобы извлечь истину из этого ложного состава, следует только, отделив одну эпоху от другой, прибегнуть к вопросу о времени наступления губительного феномена природы: наступило ли оно в первую или во вторую эпоху отступления неприятеля, или свирепствовало оно в обе эпохи?

Доказано уже, что в течение двадцати шести дней, составляющих первую эпоху, мороз от двенадцати до семнадцати градусов продолжался не более трех или пяти суток, а во второй — мороз достиг от двадцати до двадцати пяти градусов и продолжался двадцать два дня, почти беспрерывно.

Так, в первой эпохе влияние холода было весьма слабо на неприятельскую армию; во второй — истинно для нее губительно.

Но дело в том, что уже в конце первой эпохи, то есть уже у берегов Березины, армии не суще-

ствовало: я говорю об армии в смысле военном, об армии, вооруженной, устроенной, твердой чинопослушанием и, следственно, способной к стройным движениям и битвам. Единая часть ее, еще находившаяся в этом положении, состояла из корпусов Удино и Виктора, пришедших от Полоцка, совершивших свой переход в одно время с главною армиею, которая бежала от Москвы к Березине, подобно ей перенесших трех- или пятисуточный мороз и нисколько не потерявших от этого ни своего устройства, ни числительной силы; потому что причины, разрушившие и устройство и числительную силу главной армии, не существовали при отступлении корпусов Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть когда все эти войска перешли за Березину и настала смертоносная стужа, тогда, как я сказал, армии, в смысле военном, уже не существовало, и ужасное явление природы губило уже не армию, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся без начальства, без послушания, без устройства, даже без оружия; или губило армию, приведенную в такое положение не стужею и морозами, а причинами, которые здесь представлены.

И на все сказанное мною не опасаясь возражений, — вызываю их; бросаю перчатку: подымай, кто хочет!

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000000 458342

2w Цена 20 коп.